

Ирина Кумова

Улица Золотая. Век Серебряный.

(Сцены из курской жизни)

Действующие лица:

Георгий Александрович Новосильцев – 75 лет, крупный курский промышленник и землевладелец, в недавнем прошлом - городской Голова. Он же – дед Юрко.

Князь Александр Леонидович Ратуев - юноша 18 лет, внук и наследник Новосильцева, выпускник Ялтинской классической гимназии, абитуриент Московского Университета. Гостит, как обычно, летом у деда в усадьбе «Лебяжье» под Курском.

Андрей Соколов (Адя) - долговязый артистичный юноша 25 лет, студент последнего юридического курса Московского университета, старший друг Александра Ратуева

Татьяна Петровна Чернявская – элегантная дама 50 лет, вдова, бывшая соседка Новосильцева по имению, ныне эмигрантка.

Натали Чернявская – красавица 17 лет, её дочь.

Дина Русакова – подруга Наташи, курсистка 18 лет.

Егорка – крепкий парень 20 лет, из крестьян усадьбы «Лебяжье», друг детства Саши Ратуева.

Маруся – 16 лет, смышлёная девушка из усадьбы «Лебяжье».

Иван Семёнович – 60 лет, отставной солдат, но бравый дворник.

1-й и 2-й красноармеец - Красноармейский патруль

Чекист

1 действие

Лето 1917 года в усадьбе Новосильцевых «Лебяжье».

1 сцена**Новосильцев, Чернявская, Егорка**

Кабинет Новосильцева, обставленный со вкусом, в классическом стиле начала XX века, но без лишней роскоши. В углу кабинета – техническая новинка - телефон. Новосильцев просматривает газеты и восклицает.

Новосильцев: М-да! От чтения газет лично у меня возникает чувство, что наша страна зашла в какой-то тупик и её раздирают на куски...*

(в двери заглядывает Егорка)

Егорка: Георгий Александрович, к вам госпожа Чернявская.

Новосильцев: Ждём-с! (Егорка скрывается)

(в кабинет заходит мадам Чернявская)

Чернявская: Здравствуйте, Георгий Александрович!

Новосильцев: Добро пожаловать в усадьбу «Лебяжье»!

Чернявская: А мы задержались в дороге, но я по-свойски сразу к вам в кабинет.

Новосильцев: На правах бывшей соседки по имению, вам можно и в кабинет... (троекратно целуются) Всегда рад вас видеть, Татьяна Петровна. С утра вас ждём. А где Наташа?

Чернявская: Она внизу, уже секретничает с вашим внуком. Вот была бы парочка, да?.. Этим летом ей семнадцать лет... Ровесница XX века будет. Ах, я так счастлива, снова оказаться в родных местах!

Новосильцев: Присаживайтесь, голубушка. Поди, там – во Франции скучаете?

Чернявская: Ах, вы всё подшучиваете надо мной, Георгий Александрович, а между тем, здесь, в России, я отогреваюсь душой. Даже встреча с простыми рабочими вашего завода как-то по-особенному украсила мой сегодняшний день.

Новосильцев: (удивлённо насторожившись) Что такое?!

Чернявская: Вот... (вручает ему свёрток, перевязанный алой лентой) Они просили кланяться и передать к вашим именинам вот это.

Новосильцев: (слегка оторопело берёт в руки свёрток) Кто это просил?

Чернявская: У ворот вашей усадьбы я встретила двух человек, они представились как рабочие вашей фабрики, что по улице Золотой. Сказали, что вы ждёте именно эту срочную бандероль с одним маленьким механизмом. А почте они не доверяют... (весело пожав плечами) И как вы только ладите с этим народом?!..

Новосильцев: (раскрыв посылку, нервно прерывает её на полуслове) Татьяна Петровна, голубушка. Гм-гм... Я вас умоляю... (совладав с эмоциями) Ну, во-первых спасибо! Во-вторых... это очень важная посылка, настолько важная, что я не могу дальше продолжить нашу беседу. Я вас умоляю вывести из дома всю молодёжь, всех гостей - в сад, туда – к реке подальше.

Чернявская: (тревожно) А что такое вам передали?.. На вас лица нет... Что там? Бомба, что-ли?!

Новосильцев: (максимально хладнокровно) Ну и шутки у вас, Татьяна Петровна!.. Это для новой веялки... Изобретение. Ведь у меня урожаи самые высокие в губернии, вы не знали? (звонит в колокольчик) Егорка! Срочно сюда! Понимаете, Татьяна Петровна, тут ещё записка... что... сам губернатор к нам едет. Это неожиданно. Так вот я умоляю вас встретить его Превосходительство со всей вашей тонкостью и тактом... Ну...якобы случайно вы гуляете там у реки... Ну, задержите его у моста... Пожалуйста! (целует ей руку)

Чернявская: Ничего не понимаю.

(появляется Егор, ожидает у дверей приказа)

Новосильцев: (торопливо выпроваживая даму) А я потом всё объясню. Тут всё сложно: политика плюс экономика... Выручайте, голубушка, вы – дама деятельная и толковая - справитесь. У меня... Ну, деловые бумаги для

губернатора не готовы. (закрыв дверь за удивлённой гостьей) Уф... Егорка! Ивана Семёновича ко мне. Срочно! (пишет записку и заклеивает её сургучом)

Егорка: Это - который дворник?

Новосильцев: Да! Который русский солдат! И бегом! Вот – передашь... (отдаёт ему записку) И приказ по дому такой: всех людей вывести - к реке. Срочно! И главное дело - за Сашей пригляди, чтобы – никого в доме не оставалось! Будем... все вместе встречать Губернатора...(набирает номер по телефону) Понял? Ступай! (Егорка убегает, а Новосильцев продолжает распоряжаться по телефону) Контора?! Мне управляющего... (весомо и отчётливо произносит) Друг мой, срочно выплати рабочим нашу задолженность по зарплате... Срочно, а не завтра. Да, за все три месяца! Ну и что, что кредиты висят?.. Найди возможность. Я сказал – плати. Всем рабочим – за все три месяца!.. (положил трубку) Уф... (задумчиво оглядывает бомбу в свёртке) Так вот и ладим с этим народом, Татьяна Петровна. Муляж или нет?..

Сцена 2

Натали, Дина, Маруся и Саша Ратуев

Комната в заброшенном флигеле усадьбы. Молодёжь втайне от взрослых запланировала тут дегустацию новинок завода Новосильцева. Заходит Маруся с корзинкой, выставляет на стол разноцветные графинчики.

Маруся: Весело, когда в доме – гости. Ужаси, как весело!

За дверью раздаётся смех, комнату заходят оживлённые друзья: Саша и Наташа и Дина

Дина: (заинтересованно обращается к Саше) Саша, а ты не опасаясь, что наш испытуемый захмелеет?

Маруся: (себе) Серьёзная барышня. Племянница Митрополита.

Саша: Адя? Не захмелеет. Тут всего-то пять образцов! (Марусе) А где для них номерки?

Маруся: Пожалуйста вам! (подаёт Саше на верёвочках маленькие бумажные номерки)

Натали: (напевает) «Вино! Вино, вино, вино-о-о! Оно на радость нам дано-о...»

Молодёжь готовится к дегустации: они прилаживают номерки на верёвочках к рюмкам, разливают из бутылок разноцветные пахучие жидкости, сервируют стол и веселятся.

Саша: (протягивает рюмочку Натали) Натали, попробуй новинку! Что почувствуешь?

Натали: (лизнув край рюмки) М-м-м.... Абрикос! Или вишня? Дина, ты тоже пробуй! (Дина отказывается) В маленьких дозах это очень полезно.

Дина: М-да... как конфета.

Саша: Ликёр «Шартрез»!

Натали: (подзадоривает подругу) Дина, смелее! Пока все ушли встречать губернатора - мы в полной безопасности. Мама наверняка будет ему петь песни из репертуара всеми любимой Плевицкой: «Тихо тащится лошадка-а!»

Дина: Хм. А что, Татьяна Петровна ностальгирует по всему русскому?

Натали: М-м-да... Во Франции у неё не поётся как-то.

Маруся: (смотрит в окно, прикрываясь занавеской) Наши песни деревенские знает. Ей Богу! Вон – запела. Слышно. И гости вместе с ней пошли.

Натали: К реке двинулись губернатора встречать. А я сказала, что мы вперёд отправились, а сами – сюда! Хи-хи-хи...

(все смотрят в окно)

Саша: Не высовывайтесь девушки, мы же в секрете.

Дина: Смотрите, Соколов с ними уходит. А мы его тут ждём.

Натали: Адя...Он же обещал испытывать алкоголь!

Маруся: Я его позову.

Саша: Стой. Ты нам нужна на страже!

Дина: (ревниво оглядев Сашу с Наташей) Хорошо... Я возьму это дело на себя! В конспирацию мы немножко понимаем. (уходит)

Маруся: (Наташе) А какая нарядная Ваша маменька приехали. Жарелки на шее огнём так и сверкают!

Натали: Это бриллианты...

Маруся: Вот, загляденье! Ну, я туточки буду – в сенцах. (выходит)

Сцена 3

Саша, Натали, Маруся

Саша: В этот раз вы надолго приехали?

Натали: Только на месяц... Кстати, ты знаешь, маман всегда привозит во Францию ваш ликёр «Мароксин». Там восхищаются вкусом и не верят, что это ликёр из России, несмотря на этикетки завода Новосильцева.

Саша: Значит, у них - нету широты мышления.

Натали: Ха-ха-ха! Значит – нету.

Саша: (тихо и значительно) Наташа...Хочешь я открою тебе тайну?

Натали: (трепетно) Какую?!

Саша: Со слов деда, я знаю, где хранятся три бутылки заповедного столетнего вина. Это давнишний подарок ему от одной французской фирмы! Дед припрятал их на свадьбу...

Натали: Кому?

Саша: Внуку. Мне на свадьбу, представляешь?

Натали: И что?..

Саша: Значит, они – наши с тобой! (целует ей руку) Давай сейчас же откупорим одну из них?! Сравним курские образцы с французскими...

В двери заглядывает Маруся, и влюблённые смущаются её появлением.

Маруся: Прошу прощения... Идёт господин Соколов – один без барышни. Видела его в окошко. (исчезает)

Натали: (Марусе) Мы рады! Саша! Ну, разве так делают предложение?

Саша: Согласен... (обнимая девушку) Надо откупоривать сразу три бутылки!

Натали: Не то говоришь. (отстраняется) По-моему, такие разные продукты, как французское вино и русские настойки даже нельзя сравнивать.

Саша: Конечно... Наши-то лучше!

Натали: (пожимая плечами) Хм! Если серьёзно, то в русской провинции достижения не могут быть выше мировых.

Саша: Могут. Потому что здесь изначально условия и жизни, и производства - сложнее! Вспомни кобылку «Жар-птицу»! Ведь она стала лучшей в Европе!

Натали: Бывают исключения.

Саша: А как же именная медаль деду за лучшее качество спирта в Европе?! На Всемирной выставке в Париже! Ещё в 1886 году!

Натали: Ну, хорошо: ты меня убедил! Выпьем за твоего деда, курскую землю и усадьбу «Лебязье»!

Саша: За лучшее место в мире!

Натали: ...для лошадей и спирта!

Саша: Сегодня покажу тебе внучку от Жар-птицы - Жанетту. Такая красotka! Тоже могла бы взять первый приз в мире.

Натали: Разделяю твоё увлечение лошадьми, но сейчас мне интересно несколько другое... (себе) Как же мне выполнить эту мамину просьбу: уговорить купить нашу дачу?.. (вздыхает) Что ты за этот год прочитал, Саша? Самое интересное?

Саша: Не скажу.

Натали: Почему?

Саша: (снова расплываясь в улыбке) Будешь смеяться надо мной.

Натали: Не буду – честное слово. Скажи.

Сцена 4**Натали, Саша, Адя**

В двери комнаты заглядывает Адя Соколов, но остаётся незамеченным.

Саша: Книга такая есть «Система Тейлора»

Натали: Детектив?

Адя: (издали громким голосом врывается в беседу) Это учебник по агрономии! Князь Ратуев будет агрономом! Ха-ха-ха!

Саша: (Аде) Стой там! Для чистоты эксперимента мы завяжем тебе глаза!

Адя: (ухмыляясь) Стою.

Натали: Может быть, князь будет офицером?

Адя: Не советую... «В наши дни быть офицером слишком большая ответственность и опасность. Я уже не говорю о возможности каждую минуту быть убитым. Я говорю об ответственности перед собственной честью»*

Саша: А я ещё точно не решил, куда поступать. Пока подал документы в Московский университет.

Адя: Правильно. У нас жизнь кипит! Почти каждый день – митинги, диспуты, дискуссии на разные темы! В наши дни каждый молодой человек должен пройти испытание совестью... Идёт новый двадцатый век! И современное общество активно ищет новую модель устройства!

Натали: Господа, вы всё путаете, у нас дегустация, а не дискуссия. Не надо политики! Надоело. Мы ищем новый вкус, а не новую политическую модель! (завязывает платком глаза Аде и говорит ему на ухо) Адечка, а что же, князь Ратуев, действительно, серьёзно увлекся агрономией?

Адя: Конечно, мадемаузель. Он даже лично участвует в полевых работах. За ним не пропадёте: выгодная партия.

Натали: Злюка, ты Адя!

Адя: Это от чувств-с, Натали!

Натали: От каких?

Адя: От романтических.

Натали: Вот мы испытаем сейчас твои чувства - обоняния, осязания и вкуса...

Саша: Итак, образец номер один!

Адя: Я готов (выпивает) Хо!.. Мям-мм... Наливочка «Рябиновая»!

Натали: Верно! Но где потерялась Диночка?

Адя: Соблюдает конспирацию. Пошла из дубравы круговой тропинкой. Скоро будет. Натали, а как там, в Ницце? Хорошо ли вам живётся?!

Натали: Хорошо. Там прекрасный климат. И тёплое море. Мы часто бываем в Париже. Там, оказывается, есть памятник Максимилиану Волошину. Представляете? Уже давно установили - ещё в 1906 году!

Саша: Мне давно нравятся его стихи:

« По ночам, когда в тумане
Звёзды в небе время ткут,
Я ловлю разрывы ткани
В вечном кружеве минут...»

Адя: Волошина когда-то выгнали из Московского университета...
Гениальный поэт!

«Я люблю в себе следить
Жутких мыслей и пороков
Нас связующую нить...»

Натали: Когда ж уйду я в вечность снова?
И мне раскроется она
Так ослепительно сурова
И звёздным ужасом полна! »

(Адя аплодирует Наташе)

Натали: Спасибо!

В окно появляется Егорка и знаками подзывает Сашу. Саша выглядывает к нему:

Егорка: Александр Леонидыч, мне велено вас всех привести к реке.

Саша: А ты скажи, что мы в дубраве расположились на пикник.

Егорка: Без вас велели не возвращаться...

Пока Саша размышляет с Егоркой как отвертеться от необходимости встречать губернатора, Наташа из-за озорства решила подпоить Адю и наливает ему одну за другой рюмочки с наливкой:

Натали: (Аде) Андрей, ты заканчиваешь юридический курс Московского университета, без пяти минут адвокат, а вот сможешь ли повлиять на Георгия Александровича, или на Сашу как юрист?

Адя: (авторитетно) Влиять на людей – моя профессия! А в чём дело?

Натали: Дело в том, что в России всё очень ненадёжно... А маман задёшево продаёт нашу старую дачу в Ницце... И она не первый раз предлагает купить Георгию Александровичу, но он всегда отказывается.

Саша: (Егорке) Ну, значит, скажи, что разминулись мы с тобой. Пойми, что мне туда не нужно.

Егорка: Что ж непонятного: тут, вона - какая барышня, а там - губернатор. Какое может быть сравнение! Но я всё ж таки подожду. (скрывается)

Адя: (Саше) А ведь, действительно, состоятельным людям стало выгодно приобретать недвижимость за границей, чтобы иметь такую запасную экономическую базу.

Натали: Вот именно.

Саша: Дедушка, наверное, из убеждений отказывается... Он человек прямой.

Адя: Патриот!

Саша: Весь его патриотизм заключается в том, чтобы поднять запущенное имение, сделать прибыльным завод. Здесь, в Лебязьем, когда он только приобрёл усадьбу, все земли были запущены, заболочены, а теперь - и в его хозяйстве, и у крестьян - самые высокие урожаи в губернии!.. И вот ещё – новинка: шоколадные конфеты. (жестом фокусника подаёт Наташе конфету)

Наташа: (принимая сюрприз) Мерси!

Саша: Продолжаем дегустацию? (завязывает Аде глаза) Образец номер два.

Адя: Я отгадаю с одной рюмки! (выпивает) Эх-м... Наливочка «Курская»! Кажется так? Со вкусом сливы...

Саша: Верно!

Адя: Натали, вот они какие: радетели России! У них на уме не общественное устройство, а жатва, покос, молотьба... А вы, мадмаузель, даже не знаете, что значат эти слова. Офранцузились там совсем.

Натали: Почему же? Знаю! «Покос» - это когда сено косят.

Саша: Верно! Только не сено, а траву.

Сцена 5

Саша, Адя, Натали, Дина

Дина: А вот и я!

Натали: Ты очень вовремя, Диночка! Я начинаю дискуссию на тему: «Кто патриот, а кто – нет?» и хочу напомнить некоторым, что мама приняла решение об эмиграции во Францию после погрома нашей усадьбы в 1905 году. А бунты тогда прокатились по всей стране.

Саша: У нас – нет!

Натали: (с иронией) Ну, конечно! Для тебя, Саша, вообще - Курская губерния – процветающий край с богатыми и добрыми крестьянами... (резко) А я помню ещё маленькой, как бунтовщики с топорами ворвались в наш дом и выкинули с балкона белый рояль. Это было на моих глазах! Рояль упал на красные розы. Пышные красные розы цвели под балконом. Мне показалось, что рояль застонал, как живой гигант, и я видела, как он... разлетелся на куски! (Она схватилась за голову) Вот, как вспомню, так сейчас же в ушах стоит страшный треск!

Саша: Наташа, успокойся, пожалуйста! (Натали отстраняет его руку и отходит в сторону) Просто вы тогда были напуганы беспорядками.

Адя: Таково вообще, женское эмоциональное восприятие политики - переносить личную обиду в область общественной жизни. А на самом деле, революция - это обновление. Я приветствую революцию, как шаг вперёд в развитии общества!

Натали: А если назад?

Дина: Всё зависит от того - кто возьмёт власть в свои руки.

Адя: Вот именно!.. А пока - завязывайте мне глаза.

Наташа равнодушно отдаёт платок Дине: «Пожалуйста!» и та вновь завязывает Аде глаза.

Саша: (без прежнего энтузиазма) Образец номер три!

Адя: (выпивает) М-м... Это «Кизиловая»? Нет, постой... Это «Полтавская варенуха»!

Саша: Верно... Адя, а ты сам - кто? Социалист или большевик? Я так и не понял из твоих суждений.

(Дина снимает платок с глаз Ади)

Дина: Да, кто ты?

Адя: Большевиков к власти допускать нельзя, это – непримиримые фанатики! Я - марксист Плехановского толка.

Натали: Саша, а ты - кто?

Саша: Я?.. А я пока не могу разобраться. Сейчас столько разных партий, политических течений.

Натали: И разные убеждения никому из состоятельных людей не мешают иметь экономическую базу за границей! Будь он либерал, эсер, или социалист.

Саша: На это могу возразить словами деда. Он сказал однажды, что капитал должен работать в своей стране: политические режимы могут меняться, а Россия у нас – одна.**

Адя: Георгию Александровичу, как Гласному Городской Думы так и положено говорить. Но как он думает на самом деле – никто не знает.

Саша: Ты сомневаешься в честности моего деда?!

Адя: Я? Нет! У него – благотворительность, сиротские приюты, училище... Но, вот Карл Маркс сомневается. В своей замечательной книге «Капитал», которую нынче читает вся просвещённая Европа, он пишет: «Нет такого преступления, на которое не пойдёт капиталист ради собственной выгоды!»

Саша: Господин Соколов! При таких намёках я вынужден просить вас покинуть наше общество.

Адя: (встаёт и снова падает на диван, слабея в ногах) А что я такого сказал?! Свобода слова...

Саша: Извините нас! (поклонившись Наташе и Дине, он быстро уходит)

Адя: (хозяйничая на столе, выпивает рюмку за рюмкой) О-о! Ну, какой из него выйдет юрист? Дикарь.

Дина: Нет. Он благородный человек.

Натали: А ты, Адя, полный балбес! (убегает) Саша, подожди!

Адя: Ну и пожалуйста! Бегите, экс-пер-иментируйте дальше со своими чувствами - обоняния, осязания и прочими... (Дине) Ну и как, Диночка, тебе очень хочется отбить Сашку у Наташки?

Дина: Вот, и правда, балбес! (убегает)

Адя: «Я люблю в себе следить жутких мыслей и пороков нас связующую нить...»

Заходит Маруся

Маруся: (оглядываясь на двери) Это что это они бегают друг за другом? (убирает со стола посуду, складывает в корзину)

Адя: Наверное, к реке побежали – встречать Губернатора.

Маруся: Так оттуда уже все возвращаются. Говорят, не приехал никто. И вы пожалуйста на воздух.

Маруся с корзиной в руке пытается поддерживать Адю

Адя: (тянет её корзинку к себе) Позвольте я вам помогу, Марусечка! Ведь я, в общем-то, добрый человек. И болею за народ! Понимаете? Как адвокат, я

могу на судебных процессах людей от каторги спасти! Эх! (отбирает у Маруси корзинку)

Маруся: Ой-ой! Не надо...

Адя: Я разделяю лозунг: «Свобода, равенство, братство!»

Маруся: Это с кем братство? С каторжными что-ль? Скажете тоже, барин...

Адя: И я не барин, (хватает у Маруси корзину) я – марксист! Понимаешь, Маруся, что это значит? Что я – твой товарищ!

Маруся: (поддерживая его) Ох, не уроните только, там же посуда! Господи, Твоя Воля.

(уходят)

Сцена 6

Новосильцев, Иван Семёнович, затем Чернявская и Натали

Кабинет Новосильцева.

Иван Семёнович: (вертит в руках свёрток с бомбой) Георгий Александрович! Хоть она – и пустая болванка, а всё ж таки, я думаю, тут надо провести расследование. Заявляю вам это со всей ответственностью, как солдат лейб-гвардии Сапёрного батальона, пожалованный знаком на шапку: «За Балканы»!

Новосильцев: Нет. Не будет никакого расследования, но вот что я тебе скажу, дорогой мой Иван Семёнович... Перебирайся-ка ты из Лебяжьего ко мне в Курск, в усадьбу, что на Золотой. Там ведь завод, контора – народ разный бывает. Положу двойное жалование за дворницкую службу. Глаз-то у тебя орлиный... А, что?! Идёт?

Иван Семёнович: Слушаюсь! Премного благодарен. Разрешите идти?

Новосильцев: Благодарю за службу. Ну, ступай.

(дворник с военной выправкой уходит)

Новосильцев: (устало вздыхает, потирает виски и набирает номер по телефону) Как идёт выдача зарплаты?.. Вот и хорошо. Ещё изыщите средства наладчикам новейшего оборудования начислить премию в установленном

порядке... Не завтра, а сегодня! (неохотно выслушивает объяснения) Плати, сучий потрох, я что сказал?!

(На последних словах комнату заходит мадам Чернявская)

Чернявская: Что вообще происходит? Извольте объяснить, Георгий Александрович!

Новосильцев: Простите, мадам... (встаёт) А я тут, вот... видите - заработался. А губернатор так и не приехал!.. Только вы все ушли - он известил нас об этом по телефону. И я сию секунду послал к реке человека. (Чернявская молчит, пытаюсь понять врёт ей Новосильцев или нет) Ну не дошла пока техника до того, чтобы телефонировать по воздуху... Простите нас, милая Татьяна Петровна! Я доставил вам волнения и не встретил как подобает. (галантно целует руку) Готов, как говорится, искупить,

Чернявская: (значительно) Хорошо, постарайтесь...

Новосильцев: Чем могу?

Чернявская: Откровенностью... На нашей замечательной прогулке по берегу реки я узнала от соседей, что вы только вчера подписались на заём Свободы. Это правда?

Новосильцев: Был такой грех.

Чернявская: Мне тоже недавно предлагали эту сомнительную сделку. Но я отказалась.

Новосильцев: Вы предусмотрительны. (ворчит под нос) Однако, не люблю я вести деловые переговоры с дамами.

Чернявская. Иначе нельзя. Я вдова - и веду дела самостоятельно.

Новосильцев: Прекрасно справляетесь.

Чернявская: Спасибо. И если уж вы не хотите приобрести мою дачу в Ницце, несмотря на то, что каждое лето проводите на южном берегу Франции, то почему бы вам, просто так, на всякий случай, не перевести за границу не весь капитал, а... ну хотя бы тысяч четыреста?

Новосильцев: (напряжённо всматриваясь в собеседницу) Сколько?!

Чернявская: Ну, в крайнем случае, тысяч двести-триста. Вам же это ничего не стоит. Время сейчас как раз подходящее. Банки считают по два рубля за доллар. Это курс мирного времени.

Новосильцев: (властно отчеканивает слова приглушённым голосом) Как можете вы, зная меня столько лет, предлагать подобное - мне?! Это же – предательство! А может быть и что-то ещё худшее.

Чернявская: Я вас совершенно не понимаю.

Новосильцев: Конечно, не понимаете! Вы же эмигрантка!

Чернявская: Но причём здесь это...

Новосильцев: А притом, что если вы думаете, что может погибнуть государство - Россия, то о чём вообще может идти с вами разговор! *

(Новосильцев быстро выходит из комнаты)

Чернявская: (сокрушённо вздыхает и устало опускается на стул) Господи, как я устала всех спасать!

В кабинет забегают счастливая Натали.

Натали: Mamочка, а я тебя по всему дому ищу! Ты знаешь, Саша предложил мне руку и сердце...

2 действие. Осень 1918 года.

Пролог.

Полуподвальная комната дома Новосильцева на улице Золотой в Курске. Через три маленьких высоких окна, одно из которых разбито, видна рыжая листва на тротуаре. Редкие листья залетают и в комнату. За маленьким столом в углу, сидит Саша, в накинутом на плечи пальто. Он пишет письмо и рассуждает вслух.

Саша: «Милая Наташа, я надеюсь, что первое моё письмо ты получила ещё до того, как наш город попал в полную изоляцию по причине близости к германскому фронту. Запрещён въезд, выезд, закрыта почта, рынки, не ходят

трамваи. Когда всё наладится, я отправлю это письмо тебе во Францию. А сейчас столько изменений в обычной жизни, что сразу всё и не опишешь... Передо мной стоит задача – расформировать сиротские приюты деда, ведь их нечем содержать...» Нет. Наташе такое не стоит писать... Напишу лучше: «Знай, что три бутылки нашего свадебного вина, я закопал в одном тайном месте и без тебя их доставать не буду. Твёрдо обещаю...» (прервался писать) Вот опять закончились чернила. Ну и хорошо. И вовремя. Не писать же о том, что завод остановлен, оборудование сломано, склады разграблены! А мне и приютским детям нечего есть... Что на верхних этажах дома живут попеременно - то караульная рота, то чекисты. Хлещут дорогую мадеру, как квас! Что в России меняется не только весь уклад жизни, но и мы сами.

(Всё погружается в темноту)

Сцена 1.

Дворник Иван Семёнович, 1-й и 2-й красноармейцы

Улица Золотая поздним вечером. Видны очертания двухэтажных домов, аккуратных деревьев, афишная тумба, на которой висят обрывки старых афиш. Дворник очищает от них тумбу. Мимо него проходят два красноармейца с винтовками. Они грызут семечки, сплёвывая шелуху во все стороны. Дворник неодобрительно поглядывает на них и ворчит под нос.

Дворник: (вслед красноармейцам) Ишь, кренделя какие! Нет, как раньше, бывало - в кулёчек поплевать. (Вздыхает) А у меня участок образцовый... был. Сам городской в пример ставил. Шутка ли? Центр губернского города! А нынче что? Свободный народ известно дело, мусорит больше, а дворников - нету. И Царя скинули, кому же порядок наводить? Некому. Эх-хе-хе... (Он поднимает с земли белый листок, читает его внимательно и затем, воровато озираясь, прячет за пазуху.)

Тем временем появляются Егор и Маруся. У Егора на спине большой, тяжёлый мешок, у Маруси в руках - корзинка, накрытая рушником. За ними слышны крики красноармейцев: «Стой! Мешочники, стой! Стрелять буду!» Маруся и Егор быстро скрываются. Красноармейцы натываются на дворника.

1-й: Куда мешочники делись, дед?

Дворник: (неопределённо махнул рукой в сторону) Кудый-то.

2-й: Мужик тут прошёл с мешком и девка с корзинкой.

Дворник: Виноват, не усмотрел. Да зачем они вам, служивые?

1-й: Торговать в городе запрещено Декретом красных комиссаров. Как заметишь – так свисти.

2-й: Изоляция города по причине близости к Германскому фронту. Понимать надо.

Дворник: Понимаю! Могу угостить табачком.

1-й: Да хорошо бы!

Дворник: А я свою службу нёс на Балканах. Вот, когда мы стояли противу Сулейман-паши, научился разбираться и в табачке ихнем, и в порохе...

(уходят)

Сцена 2

Егор, Маруся, Саша

Полуподвальная комната Саши. Он спит, опустив голову на стол. В тусклом свете видно, что неподалёку стоят лопата и грабли, с другой стороны лавка, покрытая солдатским одеялом.

Раздаются звуки тяжёлых шагов. Это Егор с мешком остановился на лестнице, которая ведёт в подвальчик Саши. Маруся осторожно направляется к нему.

Маруся: Ой, как темно... Лександр Леониды-ы-ыч!

Саша просыпается и отскакивает в угол, захватив лопату.

Саша: Кто здесь?

Егорка: Егорка с пригорка!

Маруся: Это мы. Мешок сухого гороха притащили на зиму.

Саша: Ух-ты! Добро пожаловать! Располагайтесь как-нибудь.

Егорка: (добродушно) А ты всех гостей с лопатой встречаешь?

Саша: О! Без лопаты - никак...(убирает в сторону) Это всё, что из имущества разрешили забрать, когда сюда переселили.

Маруся достаёт продукты из корзинки и выставляет на стол

Маруся: Лебяжане наши вам кланяются. Кушайте. (подаёт пирожок)

Саша: Спасибо, Маруся!

Егор: (придерживает мешок на ступеньках) Куды мешок-то спрячем? А твои верхние жильцы отберут.

Саша: Запросто отберут. В городе торговать нельзя, но отбирать – можно.

Маруся: И нас патруль чуть не поймал. Ужаси! Хорошо ещё, пирожки не реквизируют по дороге!

Егорка: Да кто б им отдал пирожки?.. Это для Саши. Мы с ним сызмальства вместе. (Саше) Сколько раз ты меня от отцовской порки спасал, да?! И я тебя нынче в обиду не дам.

Саша: Спасибо, дружище. Мешок в заброшенную столярку отнесём. (С Егором вместе берёт мешок уносить) А мы с конторскими служащими по всему периметру усадьбы насадили огороды. Думаю, что эту зиму продержимся на своём урожае... (уходят)

Маруся: (одна) Ужаси, что в городе делается... И в окно разбитое задувает. Прикрыть разве рушником?

Приспосабливает рушник вместо занавески на окно.

Сцена 3

Маруся. Мадам Чернявская, Саша, Егор

На улице слышны звуки выстрелов. Выстрелы всё ближе и ближе. Маруся прячется под стол. В разбитое окно заглядывает женщина и стучит в раму. В сумерках виден её силуэт.

Голос: Саша! Вы здесь? Александр!.. (Маруся съёживается под столом) Это я – Татьяна Петровна. Мне срочно нужна ваша помощь!

Маруся: (из-под стола) Кто это?!

Голос: (тревожно) Это я – мадам Чернявская. Пустите меня к себе, пожалуйста. Здесь, на улице - опасно.

Маруся: (выскакивает из-под стола) Татьяна Петровна?! Вы не во Франции?

Чернявская: Я во Франции, во Франции! Только... Ну, пустите меня для начала, милочка. О, Господи! А Саша-то где? Откройте ворота. Там у вас – заперто.

Маруся: Сейчас, сейчас...(убегает)

Силуэт у окна исчезает. Осенние листья залетают с тротуара через окно и вертятся в пустой комнате. Вскоре заходят Саша и мадам Чернявская.

Саша: Вот это встреча! Прошу вас сюда, Татьяна Петровна... (усаживает гостью на лавку) Как вы здесь оказались одна и в такое время?

Чернявская: Я только что из посольства. Успела оформить все нужные бумаги для выезда своей сестры... Мне только до утра у вас пересидеть. По моему я достаточно скромно одета, но всё-таки.

Саша: Вы здесь в безопасности. Хотя во время перестрелок у меня бывает такое, что пули вот сюда долетают, но тут же у окна и падают. Траектория полёта – короткая. Я проверял сколько раз. Не волнуйтесь.

Чернявская: Как всё это ужасно!

Саша: А где Наташа?

Чернявская: Натали в Париже, с ней всё хорошо. (Она усаживается с Сашей за стол) Теперь из Советов я вывезу и сестру, и племянницу... И вам, Саша, советую сделать то же самое - поспешить оформить все документы. Сделайте себе гражданство Украины и вас выпустят, куда пожелаете. Там сейчас такое столпотворение народу! В посольстве Германии украинские паспорта выдают даже по телефону, не спрашивая, кто - где родился. И многие наши знакомые хотят уехать. Я могу посоветовать, к кому обратиться, чтобы убыстрить процесс, опять же если у вас есть, чем заплатить за услугу...* Надеюсь, вы что-нибудь сохранили из дедова наследства или всё товарищам отдали?.. И где сам Георгий Александрович? Жив-здоров?

Саша: Его предупредили через дворника о предстоящем аресте. Он тайно ушёл из города пешком. Правда ушёл один, и совсем без денег. Возможно, он доберётся в Ялту, к моим.

Чернявская: Это же надо, как судьба Георгия Александровича повернулась. Подумать только! В последнюю нашу встречу он накричал на меня. Назвал чуть ли не предательницей России. Из патриотический убеждений отказался спасти хотя бы маленькую часть своего солидного на тот момент капитала. М-да... А почему вы с ним не ушли, Саша?

Саша: Я обещал ему вести хозяйство по мере возможности. Дед считает, что весь этот хаос временный. К тому же надо расформировать сиротский приют. Тридцать детей и воспитатели остались на моём попечении, да ещё конторские служащие. Вот, налаживаем сейчас мыловарню на наших производственных мощностях. Ведь в городе мыла нет, склады разграблены, а в госпиталях даже бинты для раненых золой стирают... Перепрофилируем завод на нужды народа.

Заходят Егорка с двумя вёдрами воды и Маруся

Маруся: Татьяна Петровна, вот вам - вода колодезная. (наливает ей в кружку)

Чернявская: Большое спасибо. А то - такая копоть кругом!

Маруся с Егором устраиваются на ночлег, расстелив на полу Егоркин сюртук. Чернявская смочила белый платок, вытирает им руки и лицо, попутно объясняя Саше свой план действий.

Чернявская: Александр, прислушайтесь к моим наставлениям: оформляйте себе документы в посольстве, пока не поздно... Хаос в России не временный, а постоянный.

Саша: Поймите, Татьяна Петровна, я не могу бросить свои обязательства. К тому же, меня родители в Крыму ждут. Надеюсь добраться туда когда-нибудь.

Чернявская: (с приглушённым возмущением) А в Париже вас Наташа ждёт... И как же быть с обязательствами перед невестой?.. Приезжайте во Францию, Саша. У нас есть средства для вас на первое время.

Саша: Я напишу Наташе письмо и передам с вами. И ещё передам вино. Все три бутылки. Вот сейчас принесу, я закопал их на огороде! (уходит, захватив лопату)

Чернявская: Какие ещё бутылки?! Не повезу я во Францию никакие бутылки. Выдумал тоже... (шёпотом) Ну какой из него зять?

Егорка: (Марусе шёпотом) Марусь, а ты говорила, что она красивая. Ничего в ней красивого нету... Так – ледащенькая какая-то.

Маруся: (Егорке шёпотом) Просто - практическая женщина.

На улице раздаётся близкая стрельба, выбивая остатки стекла в окна Сашиной каморки. Егор обхватывает Марусю и откатывается вместе с ней к стене. Мадам Чернявская от резких выстрелов вскакивает, мечется в испуге от лавки к окну и вдруг падает, сражённая шальной пулей.

Чернявская: Ах! Что это?.. Как больно! (падает замертво)

Маруся: Божечки... Уби-и-ило!!!

(затемнение)

Действие 3

Сцена 1

Дина и Дворник

Конец ноября 1919 года. Действие происходит на улице Золотой, деревья покрыты морозным утренним инеем.

К афишной тумбе подходит Дина. Она в красном платочке и с красным бантом на лацкане пальто. У неё в руках баночка с клеем и кисточка наклеивать объявление на афишную тумбу.

Дворник: Здравствуйте, барышня!

Дина: Здравствуйте. Только я теперь не барышня, а товарищ.

Дворник: Во как!

Дина: Да. Свобода, равенство и братство у нас... Читайте новое объявление уличкома: «Улица Мещанская с этого дня названа по другому: имени Марата»

Дворник: Понятно. Там всегда татары дворниками работали, все люди - почтенные, семейные. Улица имени татарского дворника - это хорошо, по-трудовому. Но вот незадача! Ежели теперь, спросят меня, например: «как пройти в аптеку?» Что отвечать прикажете? «На Марата поверни» - это даже неприлично звучит!

Дина: (смеётся) Марат – это не дворник, это французский революционер! Он был беспощаден к врагам революции. Его именем теперь будет называться улица. А Саша Ратуев ещё не проходил?

Дворник: Не видать. А вы пока растолкуйте мне старорежимному солдату, какое может быть братство, ежели, к примеру, парнишку-гимназиста, законного наследника всего завода, начальство уплотнило в самый подвальчик? И весь урожай, что он туточки сам на задворках вырастил - начальство новое себе забрали. Выкопали и всё! А Саша со своей артелью зимой – что будет делать? (понижая голос) Помирать с голоду? (шёпотом) Наш князь-то – непростой, трудовой. И на нём – сироты приютские остались. Обеспечивает их, старается. А вот теперь они все вместе на зиму остались без картохи, без капусты, без....

Дина: (перебивает) Наше отделение поможет приюту. Может быть, вы ещё знаете, какая проблема есть у Саши?

Дворник: Знаю. Как-то раз я увидел, что тут - на новых огородах комиссары рассекретили его земляной тайничок, а там было спрятано несколько бутылок вина какого-то, заповедного. Начальство забирает выпить – известное дело. Так Саша чуть ли не бой принял, но спас от них одну бутылку вина хранцузского – да как прижмёт ту бутылку к себе: и плачет, и плачет. Видно, деда любит очень. Или вино?.. Я так и не понял.

Дина: А я Сашу в профсоюз музыкантов могу оформить. Тогда ему будет положен Советской властью продуктовый паёк. Только без вина. Это всё... буржуйские привычки. Мы его отучим!

Дворник: Так-так... А что ж, товарищ - барышня, растолкуйте ещё одно... Правду ли говорят, что за продуктовый паёк, в ЧеКа, будто бы кресты с православных симают, а?

Дина: (смущённо) Я такого не знаю...

Дворник: И ещё говорят, что сам новый Главнокомандующий в Курск приехал? Лев...как там его Брынтвейн какой - то.

Дина: (уважительно) Реввоенком товарищ Троцкий! Лев Бронштейн Троцкий! Странное дело - город будто вымер, на улицах – никого, а новости распространяются с удивительной быстротой.*

Дворник: Э-э-э... Вот когда-то противу Абдулы- Керим –паши мы у Систово переправлялись на правый берег Дуная... и нашим главнокомандующим был сам Александр II – Освободитель.

Сцена 2

Дина, Саша, Егор, Дворник, Наташа

К ним торопливо подходят Саша и Егор, здороваются:
«Здравия желаем, Иван Семёныч! Здравствуйте, Дина!»

Дина: У меня потрясающие новости!

Дворник: Э-э-эх, хлопцы! Нехорошо заставлять ждать барышню, даже если она и товарищ. (отходит в сторону)

Дина: Я узнала, зачем приехал в Курск товарищ Троцкий! Теперь всё пойдёт по-другому. В ЧеКа говорят, что будут большие перемены. Так вот - Троцкий приехал мириться с общественностью! Предлагает сотрудничать с интеллигенцией, независимо от того, кто кем раньше был. Честно и почтенно.* Жизнь наладится! Я записала вас на вечернее собрание советских работников, где сам Реввоенком пояснит новое направление политики. Делегатам собрания положены продуктовые пайки! Вечером будем пить чай с баранками! (прикалывает на лацкан пальто Саше и на кафтан Егору алые банты)

Дворник: Вона как! (тихо Саше) Только ты, Саша, смотри там, в Советах - свой крест не снимай.

Дина: (весело) Вперёд! На собрание комитетов партии и кандидатов в партию по выбору и делегатов с мест!

Саша: А мы кто?

Дина: Вы - делегаты с мест, а я – кандидат!

Егор: (Дине) Только на продрозвёрстку я не согласный. Не могу больше такое разорение землякам делать! Это в нынешнем году урожаи на селе хорошие... (уходят)

В это время Дворник подзывает к себе Сашу и вручает ему из-за пазухи найденную листовку.

Дворник: Гляди, что я нашёл. Прокламация. Вдруг пригодится. Только спрячь.

(Саша прячет листовку за пазуху и догоняет друзей)

Дворник (перчитывает объявление) Улица имени французского ре-во-лю-ци-о-нэ-ра Марата. М-да...Лучше было бы имени татарского дворника – оно почтнее.

Дворник ворчит под нос и подметает грязную улицу. Оглядываясь по сторонам, к нему подходит Наташа с дорожной сумкой. Она одета скромно, но непривычно элегантно для военного времени.

Наташа: Здравствуйте!

Дворник: Здравия желаем, барышня. Чаво ищем? Часом не улицу Марата?

Наташа: Вообще-то я ищу маму – госпожу Чернявскую. Она почти год назад уехала в Курск оформлять документы и с тех пор не вернулась. Я очень волнуюсь за неё. Вот, приехала искать.

Дворник: Издалече, наверное, приехали? У нас господ теперь нету!

Наташа: Да-а уж, дедушка... Приехала издалека.

Дворник: Иван Семёныч, к вашим услугам.

Наташа: Скажите, пожалуйста, Иван Семёныч, здесь на Золотой у Новосильцева жил его внук - Саша Ратуев. Он уехал? Не знаете?

Дворник: Хороший дворник – он на своём участке всё знает! Искомая персона обитает здесь, на Золотой в полном здравии.

Наташа: (радостно) Правда?!

Дворник: Но они только что ушли. С товарищами.

Наташа: А куда?

Дворник: На собрание к Главнокомандующему. Это надолго.

Наташа: Я могу подождать.

Дворник: Ну что же, тогда пойдёмте, покажу его новую комнату... Советская власть уплотнила: в самый подвальчик. Пройдёте?

Наташа: Да.

Дворник: А как вас зовут, барышня? Или вы тоже – товарищ?

Наташа: (смеётся) Нет. Я – Сашина невеста. А зовут меня Наташа Чернявская. Я из Парижа приехала.

Дворник: (оторопело смотрит на девушку) Вона как...

Наташа: Да. С официальным пропуском, через посольство.

(уходят)

Сцена 3

Саша, Дина, Егорка, Чекист.

Подъезд Дворянского собрания с ярко освещенными окнами. Слева от входа старый ветвистый облетевший каштан. Из здания выбегает потрясённый Саша и в изнеможении прислоняется к стволу дерева.

Саша: Что я услышал от Реввоенкома? «Надо научиться уничтожать возможных врагов революции не тысячами, а десятками тысяч во всех слоях общества!»* И зал аплодировал этим словам стоя! Люди, которые за время революций ничему не научились и ничего не поняли... Господи, мне так страшно, что хочется исчезнуть... (вспоминает про листовку, взятую у дворника, достаёт её и начинает читать)

Из подъезда выбегает Дина. Она ищет Сашу.

Саша: (читает) Воззвание к русскому народу. Записывайтесь добровольцами. Наши войска взяли Харьков, Белгород, а впереди - Курск... «Будьте вы правыми, Будьте вы левыми, но любите вашу многострадальную МАТЬ-РОДИНУ и помогите нам спасти её! Генерал Деникин»*

При появлении Дины Саша прячет листовку.

Дина: (Саше тихо) Не уходи... Послушай, я так же, как и ты не согласна с политикой террора.

Саша: (тихо) Это не политика, Дина. Это уничтожение собственного народа.

Дина: Троцкому не дадут совершить такие злодеяния... Революция свершается в интересах большинства. А власть у нас выборная - народная.

Саша: (горячо) Народная? Однако, народ даже не безмолвствует, Дина. Народ - аплодирует!

Саша срывает с себя красный бант, швыряет его в сторону и уходит. Дина молча идёт за ним следом. Их видит Чекист.

Из подъезда Дворянского собрания выбегает Егорка

Егор: Эй, ребята-делегаты, вы куда?! А паёк получить?! Нашёл тоже время с барышнями гулять. Там же продукты дают! (Он возвращается назад и сталкивается с Чекистом)

Чекист: Товарищ! Ты знаешь того человека? Во-он пошёл? (указывает в сторону, куда ушёл Саша)

Егор: Знаю. Хороший человек. Мыловаренный кооператив организовал. Варит мыло горячим способом.

Чекист: Приведёшь его ко мне! (показывает свой документ) На дознание!

Егор: (понутив голову) Нет. Не приведу.

Чекист: Тогда сам ответишь на все мои вопросы... (резко приставляет револьвер в бок Егорке) Понял? Пошёл в кутузку. И руки за спину!

(уводит Егорку)

Сцена 4

Саша, Дина и Адя

Чёрные силуэты деревьев графически выделяются на вечернем небе над Никитским кладбищем. За ними виднеется синяя церковь. Долговязый худой человек в белом белье с окровавленной рукой топчется среди оградок

и решёток памятников, пытаюсь согреться в движениях и прыжках, но когда видит, что в стороне идут люди, он прячется за усыпальницей.

Выходят Саша и Дина. Они молчат. Войдя в оградку одной из могил, Саша достаёт нож и начинает копать мёрзлую землю.

Дина: Что ты делаешь?

Саша: Вот, сейчас откопаю одну вещь и уйду. Хорошо, что Егорка мне нож выточил в подарок.

Дина: На юг, к Деникину собрался?... Но там - враги России.

Саша: А мы здесь - кто? Не враги сами себе? Когда русский против русского.

Дина: (с жаром) Сашенька, я сделаю так, что про твоё прошлое, никто не узнает. Ты же в Ялте и родился, и гимназию там окончил, а здесь, в Курске, ты нигде не числишься. Документов нет никаких, что ты – князь, эксплуататор. Вся картотека через меня проходит.

Саша: Спасибо. Но мне лучше уйти.

Саша достаёт бутылку, очищает её и прячет в карман длинного пальто.

Дина: (с нежностью) Саша... Ты знаешь, как я тебя...

Саша: Знаю... (целует девушке руку) И я тебя не забуду, Дина. Твою помощь, твою доброту. Но ты уходи, пожалуйста... Себя побереги. Ты ведь и сама не из рабочих и крестьян: из духовного сословия.

Дина: Хм. Я давно уже атеистка. Но я оценила, как элегантно, почти красиво ты меня отталкиваешь... (отчаянно) Думаешь, я не знаю, куда ты собрался? В Париж?! А там Наташка про тебя и думать давно забыла!

Саша: Прощай, Диночка. Сейчас я хочу побыть один.

Дина: Нет уж, не прощайся на совсем. Вот, сотворишь своё надгробное рыдание и возвращайся, пожалуйста, домой, на Золотую. Если мы будем справедливо служить трудовому народу, то нас никто не тронет. Мне, как комиссару ЧеКа дали ордер на первый этаж дома бывшего буржуя господина Новосильцева. И я тебя там жду.

(убегает)

Саша: (нервно смеётся) Вот это предложение! Вот это по-современному! И не откажешься...(кричит ей вдогонку) Но ты не жди меня, Дина! Я не согласен ради справедливости проливать реки крови!

Рядом появляется некто в белом исподнем белье. Это Адя, но его невозможно узнать. Он говорит с Сашей издали

Адя: (дрожит от холода) Только не пугайтесь меня.

Саша: Ой, кто вы?

Адя: Не бойтесь. Я – неострелянный...

Саша: Кто?

Адя: Неострелянный. Сюда из городской тюрьмы каждую ночь людей стрелять водят. Мне повезло - только в руку попали и наскоро всех нас засыпали. Вот я и выкарабкался потихоньку. Только сил больше нету – замерзаю... (подходит ближе) Слышу по речи, что вы точно из бывших, значит, поможете мне. Без одежды мне не пройти никуда, в городе - везде патрули. Поможете?

Саша: (подходит к нему, снимает с себя шинель и надевает на человека) И я тоже ночи жду. Мне тоже уходить надо.

Адя: Сашка? Ты ли? Я плохо вижу – долго сидел в тюрьме, а там – темно. Вот и тебя не узнал.

Саша: Адя? Андрей Соколов... Что же это такое?

Адя: Ре-во-лю-ция, друг мой. Это - революция...

Саша: (Саша начинает быстро раздеваться, оставаясь в белом исподнем белье, так же как и Адя.) Быстро одевай всё моё и беги, куда собрался. Иначе не дождёшься темноты - замёрзнешь.

Адя: А ты как же?

Саша: (помогает одеваться Аде) А я вернусь на Золотую, возьму себе какую-нибудь другую одежду - скажу, что меня ограбили на улице. Сейчас – это запросто. И вот ещё тебе лекарство. (открывает бутылку) Выпей вина. Согрейся. Тебе надо, чтобы выжить. И я с тобой выпью. Это заповедное столетнее вино.

Адя: Ого! Откуда такое богатство? (пытается засмеяться) Сашка! Ты и тут - на кладбище с вином. Не пропадёшь.

Саша: А-га... Не пропаду. У меня здесь, на Никитском кладбище, бабушка лежит. Я часто к ней приходил в этот год. Вот и сделал тайничок - хранить дневники и письма. Тут самое безопасное место.

(Они глотают вино и переодеваются)

Адя: И что ты записываешь?

Саша: Правду. То, что было со мной.

Адя: Напиши, про то, как я из марксистов стал смиренным рабом Божиим... (крестится) Прости меня, Господи, за всё сразу!.. М-м-м... А вино редкостное. И, кажется, я оживаю.

Саша: Это был деду подарок от французов.

Адя: А-а-а... Дегустация элитного вина на кладбище. Мистика! В духе моего любимого поэта: «Тесен мой мир, он замкнулся в кольцо, вечность лишь изредка блещет зарницами, ветер порывисто дует в лицо, годы несутся огромными птицами...»

Саша: У-гу. Поэзия! Это, между прочим, моё свадебное вино. Давай поднимем тост! За Наташу...

Адя: За твою невесту! (выпивают друг за другом по глотку) А что с Диной?

Саша: Она сейчас в ЧеКа служит...

Адя: О как! Всегда была - строгая барышня.

Саша: Пошла туда служить от голода. Тоже боялась поначалу, а потом привыкла. Говорила мне, что никаких массовых расстрелов в Курске нет, что всё это слухи. И я ей верил.

Адя: Ох! Скажу тебе, что заложников – полны тюрьмы. И куда их всех? В яму... Я тому – живой свидетель. Но тоже буду говорить, что всё это - слухи... Потому что мне страшно и очень хочется жить... А ты знаешь, что Дина тебя давно любит?

Саша: Знаю. Я тоже люблю её, как сестру... Но теперь – мы в раздоре... А тем не менее я хочу поднять тост за будущую светлую жизнь!

Адя: За светлую жизнь после войн и революций!.. А пока мы все становимся участниками какого-то политического действия: актёрами, которые ничего не знают о содержании последующего акта и финального замысла драматурга...

Саша: О чём ты думал, когда играл мертвеца, лёжа в могиле?

Адя: Я контролировал время: считал секунды и вспоминал стихи. Помнишь Волошинского Ангела Мщеня?..

Саша: Помню:

«На буйных очагах народного витийства,
Как призраки взрощу багряные цветы.
Я в сердце девушки вложу восторг убийства.
И в душу детскую – кровавые мечты...»

Адя: (Смотрит на небо) Вот и стемнело. Пора уходить.

Адя встаёт в одежде Саши во весь рост, оглядывается по сторонам. Но тут раздаётся выстрел, другой, Андрей падает, успевая простонать: «В руки Твои, Господи...»

Вдали слышатся возгласы: «Вон тот – недострелянный, который в белом!» Раздаются выстрелы один за другим. Саша убегает между оградами, в ужасе восклицая: «Я всё видел, Дина! Я всё видел!»

Сцена 5

Адя, Дина, 1-й и 2-й Патрульные, Новосильцев, он же дед Юрко

К телу Ади подбегают двое Патрульных с винтовками и Дина с пистолетом. Они в недоумении смотрят на убитого Адю в одежде Саши.

1-й Патрульный: (показывая в ту сторону, куда убежал Саша) Того надо споймать – недострелянного, он туда побёг. А это – другой хлопец, одетый!

Дина застыла между кладбищенскими оградами, понимая, что её жертвой стал некто другой, а не Саша, однако, она не пропускает солдат за ним в погоню.

Дина: Это не он. Это не он! Это не он!!!

2-й Патрульный: Да как же не он? Ежели, он!

Дина: (отчаянно) Я сказала, что это не он!

1-й Патрульный: Ну не он, так не он! Другой. Чего орать?

2-й Патрульный: Всё-равно далеко не убежит в одних подштаниках! Не мы так другие его споймают.

Дина склонилась над Соколовым, послушала сердце, закрыла ему глаза и в отчаянии схватилась за голову

1-й Патрульный: (берёт бутылку из рук Ади) Покойничек, винцо туточки попивал. Хе-хе! Видать, причащался...

2-й Патрульный: И нам тоже, стало быть, надо.

Дина: Не трогай!

1-й: Сёдни - Покров. Праздничек. Можно и выпить.

Дина: Нет. Нельзя.

2-й: Гляди сколько осталось. Пол-бутылки!

Дина: Да будьте вы хоть немного людьми!.. Убить человека – смертный грех. И мы делаем это. Так какой нам с вами праздничек?! Ну, какой нам может быть праздничек?! (Красноармейцам) Уноси!

Пошёл первый снег.

1-й (2-му): Видать, не пообвыклась ещё к смертям. Вона как заголосила.

2-й (1-му): Смотри, тоже не разнюнься. Неси ужо!..

(красноармейцы уносят тело Ади)

Дина: Страшные игры начались между нами, Саша. Следующий ход, наверное, будет за тобой... Но я сохраню вашу семейную реликвию.

Дина закапывает бутылку с вином на прежнее место в тайник и находит там письма, тетради. Достает бумаги и заинтересованно листает, воскликнув: «Это же Сашины дневники!» К ней подходит кладбищенский сторож с фонарём. Он выглядит как Георгий Александрович Новосильцев.

Дед Юрко: Снег пошёл. Вставайте, барышня. Пойдёмте в сторожку. Согреетесь.

Дина: (с ужасом вглядываясь в собеседника) Георгий Александрыч... Новосильцев. Вы? Но откуда?!

Дед Юрко: Показалось тебе, голубушка. Я – дед Юрко - сторож здешний... Уж, и забыл, сколько мне лет. Может быть, сто, а может и больше. (подсвечивает ей фонарём читать строки дневников)

Дина: (читает) «Наше «Лебяжье»... Я отлично понимаю, что как бы ни развивались события, вернуться туда не суждено. «Наше»?! – Нет, это не чувство собственности, это чувство неразрывной слитности со всем этим местом, с его лесами, болотами. Воздухом, с его природой. Чувство какого-то родства со всеми, кто там остался, жгучий интерес к судьбе всех этих, теперь свободных Щербаковых и Носовых, распорядителей своей судьбы, которых именно сейчас я чувствую такими близкими себе...»* А вот ещё: В городе тиф, умерли семь врачей...

Дед Юрко: (читает) «Самогон производства 1919 года по внешнему виду, переливаясь всеми цветами радуги, напоминает мутный денатурат...»*

Дина: (листает страницы дальше) «Дальше Курска пути нет – у станции Беленихино проходит уже граница Украины, которую охраняют немецкие части...»* (прячет тетрадки себе за пазуху) Я должна это сохранить...

(один за другим издали раздаются звуки сильных взрывов)

Дед Юрко: Вон – как близко фронт подошёл. Взрывают друг друга... Тебе нельзя оставлять это у себя. А ну как товарищи найдут? Арестуют. Дознавать в тюрьму поведут...

Дина: (тихо перекрестившись) «Господи, помилуй. Ты бо знаешь тайное сердец наших, спаси нас всех от греха...»

Дед Юрко: Отдай мне, голубушка, я сохраню дневники. Тут тайничок надёжный нужен, а в храме прочная такая кирпичная кладка... Пойдём. Мы и после смерти России послужим!

(уходят)

Им вслед звучат стихи Максимилиана Волошина:

«Из крови пролитой в боях,
Из праха, обращённых в прах,
Из мук, казнённых поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений,
Возникнет праведная Русь.
Я за одну её молюсь
И верю замыслам предвечным:
Её куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах»

Снег идёт всё гуще, занавесом отделяя 1919 год от зрителей нового века.

Слова, помеченные * взяты из воспоминаний князя Александра Ратиева

Литературно-исторические источники:

1. «То, что сохранила мне память/ Князь Александр Ратиев, сост. Л.А. Ратиев - изд. Софийского университета, София, 1999.
2. «Изобретатель Уфимцев» Ю. Бугров. Курск. 2000
3. «Я охранял всеединство любви» / Волошин. М. А. сост. Андреев – Симферополь: СОНАТ, 2005

